

ТОЛКОВАНИЕ ПО ОБЪЕМУ КАК ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ПРИЕМ УЯСНЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СМЫСЛА НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В статье проводится анализ приемов толкования норм гражданского права по объему; констатируется, что буквальное, расширительное и ограничительное толкование не имеют самостоятельного значения в методике толкования и могут применяться в рамках последовательно применяемых грамматического, систематического, логического и телеологического способов толкования в качестве вспомогательных приемов уяснения действительного смысла, вложенного в нормы гражданского права законодателем; делается вывод о том, что действующая модель гражданского права, закрепленная в ГК, унаследовала советскую правовую традицию, в большей степени присущую системам права, основанным на императивном методе правового регулирования

I. A. MANKOVSKY

INTERPRETATION ON VOLUME AS AUXILIARY RECEPTION OF EXPLANATION OF THE VALID SENSE OF NORMS OF CIVIL LAW

In the article the analysis of methods of interpretation of norms of civil law on volume is carried out. It is noted that literal, broad and restrictive interpretation have no independent value in a technique of interpretation and can be applied within consistently applied grammatical, systematic, logical and teleological ways of interpretation as auxiliary methods of explanation of the valid sense enclosed in norms of civil law by the legislator. The conclusion that the working model of civil law enshrined in the Civil Code has inherited the Soviet legal tradition, more inherent in the systems of the right based on an imperative method of legal regulation is made.

МАНЬКОВСКИЙ
Игорь Александрович,

кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник центра
частноправовых и социально-экономических
исследований НИИ ТиСО Международного
университета «МИТСО»

Введение

Современная система гражданского права, стабильность которой является одним из условий построения гражданского общества и правового государства, смоделирована таким образом, что применение гражданско-правовых норм в ходе участия в экономических отношениях сопряжено с необходимостью уяснения того смысла, который вкладывал в правовую норму законодатель в процессе ее разработки, принятия и в определенных случаях разъяснения этого смысла другим участникам экономических отношений, т. е. толкования норм гражданского права. Непосредственно процедура толкования представляет собой мыслительную деятельность субъекта, применяющего правовую норму, и в силу этого является неотъемлемой частью правоприменительной деятельности, способствует наиболее точному уяснению смысла гражданско-правовой нормы, вложенного в нее законодателем, позволяет разрешить возникший спор о праве гражданском в полном соответствии с установленным гражданским порядком.

Таким образом, процесс толкования заключается в познавательной деятельности человека, направленной на уяснение действительного смысла правовой нормы посредством применения разработанных юридической наукой способов толкования, к которым следует отнести

грамматический, систематический, логический и телеологический способы (методы).

Методика толкования правовых норм исследовалась учеными досоветского (Е. В. Васильковский, А. Д. Градовский, Г. Ф. Шершеневич и др.), советского (В. И. Акимов, Ю. Х. Калмыков, А. С. Пиголкин и др.) и постсоветского периода развития юридической науки (Ю. С. Ващенко, Г. Н. Надеждин, А. В. Слесарев и др.). Вместе с тем современный уровень динамики общественных отношений, тенденции модернизации гражданского права, развивающиеся на постсоветском пространстве и, в частности, в Российской Федерации, неизбежно требуют проведения исследования современного состояния методики толкования гражданско-правовых норм, приложения существующих способов толкования к действующей системе гражданского права.

Основная часть

Так, в рамках указанных выше способов толкования, анализ которых нами проведен ранее [1], в процессе уяснения действительного смысла гражданско-правовой нормы могут применяться приемы толкования по объему: буквальное, расширительное и ограничительное толкование, использование которых позволяет уяснить действительную волю законодателя, выраженную в гражданско-правовой норме, в тех случаях, когда ее текстуальное

выражение не совпадает с действительным смыслом нормы гражданского права, т. е. когда не совпадает «буква и дух закона».

Приемы толкования правовых норм по объему охватываются названными выше методами толкования (грамматическим, систематическим, логическим и телеологическим) и в силу этого самостоятельного значения в методике толкования не имеют, на что указывает Е. А. Суханов, согласно верному утверждению которого «уяснение смысла нормы путем «ограничительного» или «расширительного» толкования... всегда сводится либо к логическому, либо к систематическому или иным известным способам толкования (или к их сочетанию). <...> Выделение названных... способов толкования представляется не вполне обоснованным и даже опасным, ибо способно изказать прямую волю законодателя, выраженную в тексте закона» [2, с. 107].

В практике нормотворчества возможны два варианта несовпадения текстуального выражения гражданско-правовой нормы с действительным смыслом, вложенным в норму законодателем. Первый вариант состоит в том, что буквальное восприятие текста нормы гражданского права не позволяет определить вложенный в нее смысл, так как законодатель текстуально изложил свою волю таким образом, что текст правовой нормы не выражает ее действительного содержания. В таком случае применяется расширительное (распространительное) толкование, позволяющее установить действительную волю законодателя, заложенную в гражданско-правовой норме, но не выраженную текстуально, а по сути, расширить границы применения нормы гражданского права, определенные ее текстом.

В соответствии со вторым вариантом разработки гражданско-правовых норм правовая норма текстуально сформулирована таким образом, что в процессе ее буквального восприятия создается впечатление о возможности применения нормы гражданского права к случаям, которые ее действительным смыслом не охвачены. К такой норме в процессе уяснения ее действительного смысла применяется ограничительное толкование, позволяющее ограничить применение нормы гражданского права к определенным случаям, к которым такая норма должна применяться исходя из буквального восприятия ее текста, но эти случаи не охватываются действительным смыслом применяемой правовой нормы.

Используя названные приемы толкования гражданско-правовых норм, в рамках грамматического, систематического, логического и телеологического методов толкования следует руководствоваться определенными правилами их применения, которые сводятся к тому, что общие и специальные нормы гражданского права могут толковаться распространительно или применяться по аналогии, а исключительные нормы гражданского права могут применяться только буквально, на что обращает внимание Ю. Х. Калмыков [3, с. 7].

К исключительным гражданско-правовым нормам, т. е. к правовым нормам, содержащим исключение из общего правила, не подлежащим согласно общетеоретическому подходу, воспринятому юридической наукой СССР и постсоветских государств, таких как Россия и Беларусь, рас-

ширительному толкованию и применению по аналогии, можно отнести, например, нормы, закрепленные в п. 2 ст. 27 ГК, определяющие объем частичной дееспособности малолетних, в п. 2 ст. 25 ГК, определяющие объем частичной дееспособности несовершеннолетних.

Исключительность названных норм состоит в том, что они предоставляют определенный (частичный) объем дееспособности лицам, не достигшим 18 лет, что является исключением из общеустановленного гражданского правопорядка. Недопустимость применения расширительного толкования означает, что лица до 14 лет и от 14 до 18 лет могут принимать участие в экономических отношениях только тем способом, который предусмотрен анализируемыми нормами.

В качестве примера гражданско-правовых норм, подлежащих расширительному толкованию, можно привести нормы, закрепленные в п. 1 ст. 16, ст. 17, п. 1 ст. 20 и другие нормы ГК. Буквальное восприятие указанных норм в рамках грамматического способа толкования неизбежно приведет к ложному выводу о том, что на территории Беларуси гражданской правосубъектностью наделяются только граждане Республики Беларусь. Однако, используя всю совокупность методов толкования в ходе уяснения действительного смысла приведенных норм ГК, последует вывод о необходимости их распространения и на иностранных граждан, а также на лиц без гражданства.

Примером необходимости применения ограничительного толкования может служить норма, закрепленная в п. 1 ст. 86 ГК, в соответствии с которой «обществом с ограниченной ответственностью признается учрежденное ... лицами (лицом) общество...». Буквальное восприятие указанной нормы способно привести к ложному выводу о том, что в качестве учредителей общества с ограниченной ответственностью могут выступать любые физические лица независимо от возраста и психического состояния, что является неверным. Применяв систематическое толкование и исследовав смысл анализируемой нормы в неразрывном единстве с другими нормами гражданского права, в частности в совокупности с нормами, закрепленными в ст. 20 ГК (*Дееспособность граждан*), ст. 26 ГК (*Эмансипация*), ст. 29 ГК (*Признание гражданина недееспособным*) и некоторыми другими, можно прийти к выводу, что право на создание общества с ограниченной ответственностью имеют не любые физические лица, а только лица, обладающие правосубъектностью в полном объеме.

В качестве правовых норм, подлежащих буквальному толкованию, можно привести нормы, закрепленные в п. 1 ст. 26, п. 2 ст. 27 ГК, и многие другие, имеющие такую конструкцию, при которой «буква и дух закона» полностью совпадают, что существенно упрощает правоприменительную деятельность.

В отличие от белорусской и российской правовой традиции юридическая наука Германии допускает применение расширительного толкования, в том числе к исключительным правовым нормам, на что обращает внимание А. Шмагин, согласно утверждению которого «немецкая методика отрицает данное правило во всей его абсолютности, указывая на то, что исключения в рамках их цели не только могут толковаться расширительно, но

и даже быть доступны аналогии» [4, с. 258], что указывает на существенное значение телеологического способа толкования в немецкой методике интерпретации норм гражданского права.

В качестве примера ошибочного восприятия правовой нормы как исключительной, недопущения ее расширительного толкования, нарушения порядка применения указанной выше методики толкования и, как следствие, неверного судебного решения следует привести Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 июня 2009 г. № 131, в котором указано, что право преимущественной покупки акций ЗАО его акционерами в случае их продажи не распространяется на случаи отчуждения акций по договору мены в силу того, что норма, определяющая преимущественное право покупки акций акционерами ЗАО, представляет собой исключение из общего права свободы их отчуждения и, следовательно, в соответствии с российской юридической традицией не подлежит расширительному толкованию [5].

Примененный судом подход закреплен в подп. 9 п. 14 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2003 г. № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» [6].

С доводами, приведенными в Информационном письме № 131, безусловно, согласиться нельзя. В ходе интерпретации анализируемой нормы судом не была учтена цель принятия нормы, исследованной вне системы норм гражданского права, вне логики экономического оборота. При интерпретации указанной нормы и принятии решения очевидно был использован один метод толкования – грамматический, а норма была истолкована буквально. Таким образом, интерпретация нормы, закрепленной в п. 3 ст. 7 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», вне названной выше методики толкования, т. е. с использованием в указанной нами логической последовательности всей совокупности методов толкования (грамматического, систематического, логического и телеологического с учетом исторического метода) привела к принятию решения, нарушающего права акционеров на преимущественное приобретение акций.

При этом следует констатировать, что теоретиками и практиками в настоящее время наиболее удачным признается такой вариант конструирования правовых норм, при котором текст правовой нормы и вложенный в нее смысл совпадают, что позволяет с наименьшими временными затратами и наиболее качественно применить нормы права, в силу чего буквальное толкование является наиболее распространенным приемом толкования правовых норм по объему, на что обращается внимание в юридической литературе [7, с. 254].

Применительно к толкованию текстов договоров, заключаемых в соответствии с гражданским правом Республики Беларусь, необходимость первоочередного применения буквального толкования в процессе уяснения смысла их содержания закреплена в ч. 1 ст. 401 ГК и подтверждается выводами, сделанными в доктринальных источниках. В частности, согласно верному утверждению

В. С. Каменкова, «Конструкция правовых норм, содержащихся в ст. 401 ГК, позволяет прийти к решению, что законодатель отдает предпочтение первому способу толкования (буквальное толкование. – *Примеч. авт.*)» [8, с. 74].

Правила толкования непосредственно норм гражданского права вне связи с их включением в текст гражданско-правового договора в ГК отсутствуют, что, по нашему мнению, не верно.

Приоритет буквального толкования над остальными приемами толкования по объему поддерживался учеными советского периода развития юридической науки, что отмечается в юридической литературе. Так, согласно утверждению Ю. А. Гавриловой, «В правовой мысли советского периода считалось, что нормы права подлежат преимущественно буквальному толкованию ...» [9, с. 40].

Следует отметить, что буквальное толкование, безусловно, должно применяться в первоочередном порядке, но к нормам публично-правовых отраслей, основанных на императивном методе правового регулирования. Это особенно важно для публично-правовых норм, устанавливающих административную и уголовную ответственность, которая должна применяться в точном соответствии с «буквой закона», а нормы, ее устанавливающие, во избежание злоупотреблений не могут подлежать расширительному или ограничительному толкованию, а также применению по аналогии.

Первоочередное использование буквального толкования гражданско-правовых норм предусматривала советская модель гражданского права, закрепленная в ГК 1922 г. и затем в ГК 1964 г., что было обусловлено применяемым в гражданском праве административно-командным (по сути – императивным) методом правового регулирования экономических отношений.

В современный период развития цивилистики подход к регулированию экономических отношений изменился, а это ставит под сомнение эффективность узаконенной в ГК необходимости первоочередного применения буквального толкования текстов гражданско-правовых договоров. Кроме того, по нашему мнению, в ГК следует закрепить правила толкования не только гражданско-правовых договоров, но и непосредственно гражданско-правовых норм, что позволит унифицировать подходы, применяемые к толкованию норм гражданского права в процессе разрешения споров в суде.

Особая роль толкования в процессе применения норм гражданского права и некоторая нелогичность закрепленного в ГК приоритета буквального толкования договоров предопределена следующим обстоятельством. Русский язык, используемый в качестве носителя правовой мысли законодателя, обладает большим количеством омонимов и синонимов, что в определенной степени присуще и гражданскому праву как базовой отрасли частного права. На этот факт обращают внимание ученые. Так, в частности, О. А. Кузнецова отмечает, что синонимия является «... настоящим бедствием для понятийного аппарата ГК РФ...» [10, с. 86]. При этом следует учитывать так называемое золотое правило толкования, суть которого, согласно утверждению А. Ф. Черданцева, состоит в том, что «словам и выражениям закона следует придавать то значение, которое они имеют в соответствующем лите-

ратурном языке, если нет основания для иной их интерпретации» [11, с. 220], с чем применительно к нормам гражданского права следует согласиться.

Закрепленный в ГК приоритет буквального толкования договоров не соответствует системе гражданского права как основной отрасли частного права, в процессе создания которой должен быть применен диспозитивный метод правового регулирования. На это указывает норма, закрепленная в § 133 Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) [12], согласно которой *при толковании волеизъявления необходимо следовать действительной воле, не придерживаясь при этом буквального смысла выражений*, а также норма, закрепленная в § 157 ГГУ, согласно которой *договоры следует толковать добросовестно, принимая во внимание обычаи гражданского оборота*. Из приведенных норм следует, что в процессе интерпретации положений гражданско-правовых договоров следует исходить не из буквального смысла слов и выражений, составляющих текст договора, что присуще отраслям, применяющим императивный метод правового регулирования, а из действительной воли сторон договора, соответствующей обычаям делового оборота.

Аналогичные по содержанию нормы закреплены в Гражданском кодексе Грузии от 26 июня 1997 г. [13] (далее – ГК Грузии). В частности, согласно нормам ст. 52 ГК Грузии *при толковании выражения воли она должна быть установлена в результате разумного суждения, а не только в буквальном смысле выражения*.

Таким образом, в отличие от ГК нормы ГГУ и ГК Грузии устанавливают в процессе толкования условий договора приоритет действительной воли сторон, а не буквального значения текста договора.

В содержании приведенных норм ГК Грузии прослеживается явное влияние Гражданского кодекса Франции [14], в состав которого включена часть V «О толковании соглашений», в ст. 1156–1164 которой закреплены правила толкования гражданско-правовых договоров. В частности, в соответствии с нормами ст. 1156 *при рассмотрении соглашений в первую очередь необходимо исследовать, каково было обоюдное намерение договаривающихся сторон, а не останавливаться на буквальном смысле выражений*. Приведенная норма очевидно указывает на необходимость выяснения действительной воли сторон соглашения, даже если воля не соответствует буквальному значению слов и выражений, составляющих условия договора.

Таким образом, в двух проверенных временем системах гражданского права, относящихся к романо-германской правовой семье (в системе гражданского права Франции и Германии) в процессе толкования договоров отдается приоритет содержанию воли сторон, а не буквальному выражению условий договора, что присуще системам гражданского права демократических государств, основой построения которых служит диспозитивный метод правового регулирования.

Заключение

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что действующая модель гражданского права, закрепленная в ГК, унаследовала советскую правовую традицию, в боль-

шей степени присущую системам права, основанным на императивном методе правового регулирования, что не способствует интенсификации частной предпринимательской инициативы, сдерживает развитие экономики. Кроме того, проведенное исследование свидетельствует о необходимости включения в состав ГК норм, определяющих правила толкования норм гражданского права в целом, условий гражданско-правовых договоров в частности и устанавливающих приоритет действительной воли сторон над буквальным значением терминов, составляющих условия договора.

На основании проведенного исследования автором предлагаются некоторые изменения Гражданского кодекса Республики Беларусь.

В частности, предлагается дополнить ГК статьей 5¹ следующего содержания:

«Статья 5¹. Толкование норм гражданского законодательства»

1. Толкование норм должно осуществляться в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, принципами гражданского законодательства, закрепленными в статье 2 настоящего Кодекса и целями принятия нормативного правового акта.

2. Разрешая спор о праве гражданском, суду необходимо исследовать слова и выражения применяемой нормы в значении, которое они имеют в русском (белорусском) языке, определить место применяемой нормы в системе гражданского права и ее взаимосвязь с другими нормами системы, соотнести текст нормы с логикой экономического оборота и установить цель принятия нормы.

3. Не допускается отказ в осуществлении правосудия по мотивам неясности или отсутствия применимых норм, наличия неразрешимых сомнений в отношении фактических обстоятельств, выступающих предметом спора, безразличности или несправедливости нормативного правового акта, подлежащего применению.

4. Правила, закрепленные в пунктах 1, 2 и 3 настоящей статьи, применяются при толковании условий договора.»

Предлагаются также некоторые изменения главы 27 ГК, название которой необходимо изложить в следующей редакции: *«Понятие, условия и толкование договора»*, что в полной мере будет отражать содержание закрепленных в ней норм и упростит использование непосредственно ГК.

В целях приведения содержания главы 27 ГК в соответствие с логикой правового регулирования экономического оборота, закрепленные в ней нормы, по нашему мнению, целесообразно разделить на два параграфа:

– § 1 «Понятие и условия договора»;

– § 2 «Толкование условий договора».

В § 1 необходимо закрепить ст. 392–400 действующей редакции ГК, а в § 2 – ст. 401 ГК и ряд статей с номером 401 и индексом (1, 2, 3...). При этом ст. 401 в действующей редакции из ГК необходимо исключить как не соответствующую логике гражданского оборота современного демократического государства и включить ст. 401 с новым содержанием.

Таким образом, § 2 главы 27 ГК необходимо дополнить рядом статей следующего содержания.

Статья 401. Общие правила толкования условий договора

1. Условия договора необходимо толковать в соответствии с требованиями добросовестности, разумности, справедливости, честной деловой практики, в контексте договора в целом с учетом цели его заключения.

2. Словам договора необходимо придавать общепонятное значение русского (белорусского) языка, за исключением случаев, когда слову законодательством или соглашением сторон придано специальное значение.

Статья 401¹. Приоритет волеизъявления сторон

1. Договор толкуется сторонами в соответствии с их общим волеизъявлением либо судом по ходатайству одной или обеих сторон договора.

2. При судебном толковании общее намерение сторон договора имеет приоритет над буквальным значением слов и выражений, в том числе в случае расхождения с буквальным смыслом условий договора.

3. Общее намерение сторон выясняется судом посредством оценки их поведения как в процессе заключения договора, так и после вступления его в силу, с учетом обстоятельств заключения договора.

4. При выявлении намерения одной из сторон придать договору определенное значение, о котором в момент заключения договора знала или должна была знать вторая сторона, договор толкуется в соответствии с намерением первой стороны.

5. В случае разногласия сторон договора относительно специально не согласованного условия, значение которого трудно установить, такому условию придается значение, противоположенное интересам предложившей

его стороны, но в интересах стороны, принявшей на себя обязательство по такому условию.

Статья 401². Правомерность условий договора

В случае двусмысленности какого-либо условия (слова, выражения) договора ему необходимо придавать смысл, в соответствии с которым такое условие (слово, выражение) можно признать действительным, правомерным и порождающим юридические последствия, максимально соответствующие существу договора.

Статья 401³. Дополнение договора

Если в ходе толкования договора будут выявлены не включенные в договор условия, которые подразумеваются исходя из существа договора и цели его заключения, такие условия подлежат включению в договор.

Статья 401⁴. Толкование в пользу потребителя

В случае разногласия сторон договора, заключенного между профессиональным участником экономического оборота (юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем) и гражданином – потребителем относительно условия договора, спорное условие толкуется в пользу гражданина – потребителя.

Статья 401⁵. Толкование условия договора о сроке его действия

Если в договоре срок его действия определен календарной датой с использованием предлогов «до» или «по», то условие о сроке действия договора с использованием предлога «до» толкуется как срок, в который не включается календарная дата, определяющая предел действия договора, а условие о сроке действия договора с использованием предлога «по» толкуется как срок, в который включается календарная дата, определяющая предел действия договора.

Список использованных источников

1. Маньковский, И. А. Толкование норм гражданского права: общий взгляд на проблему / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2013. – № 3. – С. 58–61.
2. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. С. Ем [и др.] ; под ред. Е. А. Суханова. – М. : Статут, 2010. – Т. 1. – 958 с.
3. Калмыков, Ю. Х. Вопросы толкования и применения гражданско-правовых норм / Ю. Х. Калмыков // Гражданское право. – 2008. – № 3. – С. 5–8.
4. Шмагин, А. Основы немецкой методики толкования права / А. Шмагин // Вестн. гражданского права. – 2012. – № 4. – С. 243–277.
5. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций закрытых акционерных обществ [Электронный ресурс] : информационное письмо Президиума ВАС Российской Федерации, 25 июня 2009 г., № 131 // Федеральные Арбитражные Суды Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/24286.html. – Дата доступа: 02.07.2017.
6. О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2003 г., № 19 // КонсультантПлюс. Россия. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. – Дата доступа: 02.07.2017.
7. Вишневецкий, А. Ф. Общая теория государства и права : курс лекций / А. Ф. Вишневецкий. – Минск : Тесей, 2012. – 370 с.
8. Каменков, В. С. Принцип добросовестности в договорном праве / В. С. Каменков // Юридический мир. – 2009. – № 1. – С. 73–77.
9. Гаврилова, Ю. А. Конкретизация правовых норм и толкование права по объему / Ю. А. Гаврилова // Вестн. ВолГУ. Сер.: 5. – 2009. – № 9. – С. 40–48.
10. Кузнецова, О. А. Проблемы формирования терминологического аппарата гражданского законодательства / О. А. Кузнецова // 20 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации: итоги, тенденции и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Ульяновск, 12 дек. 2014 г. / Ульяновский гос. ун-т. – М. : ПРОСПЕКТ, 2015. – С. 86–91.
11. Черданцев, А. Ф. Толкование права и договора / А. Ф. Черданцев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.
12. Германское гражданское уложение [Электронный ресурс] : Текст // TWIRPX. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/>. – Дата доступа: 26.06.2017.
13. Гражданский кодекс Грузии / науч. ред. З. К. Бигвава ; вступ. ст. Л. Чантурия ; предисл. И. В. Елисеева, А. В. Коновалова ; пер. с груз. И. Мериджанашвили, И. Чиковани. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 748 с.
14. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / пер. с франц., предисловие, комментарий, приложения В. Н. Захватаева. – М. : Инфо-Троник Медиа, 2012. – 624 с.